

Воспоминания П.И.Яновича

П.И.Янович в Новограде-Волынском, 26 июня 2014 г.

Я, Павел Иванович Янович, родился 6 июня 1929 г. в Новограде-Волынском. Отец мой, Иван Васильевич Янович, 1905 г.р., украинец, был местным уроженцем. Его родители жили в конце ул. Завадской (ныне – ул. Семьи Косачей). Примерно в 1936 г. эта территория отошла под строительство военного городка, и Яновичам пришлось строиться на новопрорезанной улице 8 Марта, т.е. на противоположной стороне города. Дедушка, Василий Тарасович, умер от рака желудка, ещё не успев достроить дом. Бабушку, 1881 г.р., звали Горпина Терентьевна.

Отец работал на механическом заводе Пагеля, который позже стал машиностроительным: сначала чернорабочим, учеником слесаря, а затем слесарем 7-го разряда. Позже он стал инструктором Новоград-Волынского райпарткома.

Иван Янович (второй слева), 1927 г.

В 1933-34 гг. отец учился в Ленинградском комвузе, но из-за болезни не закончил его, вернулся домой и работал директором базы сельхозснаба на Вокзальной улице, с правой стороны. Эта организация занималась снабжением МТС запасными частями.

Почтовая открытка, прибывшая в 1933 г. от Ивана Яновича из Ленинграда

Мама, Елизавета Вольфовна Вайсберг, 1905 г.р., еврейка, родом из Емильчино. Во время гражданской войны её родители погибли. Работала она посудомойкой, а потом официанткой в столовой УНР (Управление начальника работ – строительная организация в составе Красной Армии) по ул. Ленина [1].

Дом по ул. Ленина, в котором до войны находилась столовая УНР (начало 1990-х гг.)

Там произошло её знакомство с отцом. В 1935 г. родился мой брат Анатолий. Когда ему было год-полтора, он заболел менингитом. Тогда это означало смертный приговор. Но благодаря переливанию крови его удалось спасти.

Сначала мы жили вместе с дедом и бабой по ул. Завадской, а потом отец получил квартиру в доме по ул. Малая Пушкинская (Дзержинского) №9а. Там жили три семьи. Наша семья занимала одну комнату и кухню, вход был со стороны улицы.

Вид дома по ул. Дзержинского №9 в 1960-х гг.

Примерно в 1937-38 гг. мы получили квартиру из двух комнат и кухни в доме Хаинского по ул. Войкова №31, который стоял примерно напротив нынешнего детсада. Хозяин этого дома был куда-то выслан. Здесь мы прожили до начала войны. Часто к нам приходила сестра отца, Анна Янович, 1920 г.р. Она работала буфетчицей в столовой по ул. Войкова, недалеко от нас, и часто ночевала в нашем доме. Иногда приходил брат отца, Алексей (мы его звали Лёня), 1924 г.р. Поскольку разница в возрасте между нами не была большой, он любил заводить со мной разговоры, наставлять.

Павел Янович (справа) и Андрей Верхоланцев на ул. Войкова, 10 июня 2014 г.

Примерно на этом месте до войны стоял дом, в котором жила семья Янович

Отец учил меня читать, но недолго. Потом он записал меня в библиотеку, и я часто ходил туда менять книги. До школы я ходил в библиотеку в доме на углу улиц Р.Люксембург (ныне – Замковая) и Щорса, туда поднимались вверх по ступенькам.

Дом на углу улиц Р.Люксембург и Щорса в начале 2000-х гг.

Позже брал книги в библиотеке в пионерском клубе на ул. Советской (там сейчас контора хлебзавода). Книги были моим главным увлечением. Библиотекарша заводила новый формуляр и проверяла меня: «А ну-ка, расскажи, как называется книга, кто её автор, о чём там пишется». Я очень быстро пересказывал содержание. Библиотекарша пожимала плечами и предлагала мне другие книги.

В 1936 г. я должен был пойти в первый класс. Учительница устроила проверку детей. Она дала мне что-то прочитать. Я к тому времени уже бегло читал и без труда справился с заданием. Тогда учительница сказала: «Я его в первый класс не беру. Он мне будет только нарушать дисциплину. Другие будут читать, а он будет дурачиться». Взяли меня уже во второй класс незадолго до этого построенной школы №2. Это было в 1937 г.

Павел Янович (слева) с братом Анатолием и отцом, 1937 г.

Учёба мне давалась легко. С чтением проблем не было, но писал я каллиграфически плохо, так как дома меня этому никто не учил. Мне стоило больших трудов, пока я научился красиво писать. Благодаря чтению я грамотно писал, хотя грамматических правил не учил. В пионеры нас принимали в торжественной обстановке во дворе школы. Горел костёр, присутствовали директор школы и учителя. Мы давали торжественное обещание ... Учителей своих я уже не помню, а вот директора запомнил. Его звали Иона Кивович Стрижевский. Когда мы встретились с ним после войны, он меня каким-то образом узнал.

В 4-м или 5-м классе кто-то сагитировал меня записаться в кружок авиамоделизма. Занятия проходили в пионерской комнате на втором этаже нашей школы. Мы кололи бамбук, гнули его на спиртовке, склеивали казеином. Это увлечение оставалось у меня некоторое время и после войны. Успел я закончить 5 классов.

Жили мы бедно, дни рождения, Новый год не праздновали. Да и не принято это было в то время. Религиозные

праздники иногда отмечали. Мама вместе с соседями по фамилии Гуральник и Фридман пекла на Пейсах мацу, и мы ели её. А праздновали, в основном, 1 Мая и 7 Ноября. Помню, как нас, учеников, вывели 1 мая 1938 г. на демонстрацию. Погода была тёплая. Как всегда, был военный парад. Верхом на коне сидел бравый комдив. Этот конь был добротным рысаком, белым в «яблоках». Комдив был в красивой форме, стройный. Когда я через много лет вспомнил, то пришёл к выводу, что это был Рокоссовский [2].

Слыхали мы и о «врагах народа». Однажды отец пришёл домой и рассказал, что арестовали его друга Мишу Троцкого. Вся вина заключалась в печально знаменитой фамилии. Он отсидел несколько лет, а потом его отпустили. У моего отца был двоюродный брат, которого звали Николай Янович. Во время гражданской войны он служил в армии Петлюры. В 1937 г. его арестовали, и он после этого домой больше не вернулся. Отец почти не рассказывал мне о гражданской войне. Уже после Великой Отечественной войны мы заговорили с ним о 20-х годах. Он сказал, что при НЭПе жить было даже лучше, чем до революции: торговля, ремёсла были свободными, налоги платили мизерные, люди имели землю, каждый занимался тем, что умел, было изобилие товаров.

Мы жили по левой стороне ул. Войкова, а по правой стороне, недалеко от нас, примерно на месте бывшей пригородной автостанции, строился ДОТ. А в районе нынешнего базара располагался пустырь. Здесь кавалеристы «рубил лозу», т.е. обрабатывали сабельные удары для будущих сражений. Комсомольцы с помощью резиновой катапульты запускали здесь планеры с пилотами.

После присоединения Западной Украины к Советскому Союзу в актовом зале нашей школы состоялся большой митинг, на котором выступил комиссар, участник похода. А мы слушали его, разинув рты. Я запомнил некоторые отрывки из его выступления: «Земли в Польше поделены на мелкие кусочки. Не то, что у нас в колхозе – необъятные поля. А ещё у польских офицеров такие блестящие

голенища, шапки с длинными козырьками. Как будто длинным козырьком можно защититься от бомбы. Население там бедное, несчастное. Они голодали, а мы подали им руку помощи». В тот же день нам демонстрировали кинофильм «Ветер с востока».

В последних числах августа 1939 г. моего отца призвали в армию. 1 сентября его вместе с другими обмундировали. Расположились они напротив нынешнего автовокзала, где до войны был штаб стрелковой дивизии.

3 сентября я пошёл проведать отца. В тот же день их всех увезли. Письмо от отца прибыло лишь в ноябре. В нём он сообщал, что находится на станции Мациов (ныне – Луков) Волынской обл. Там стоял противотанковый артиллерийский дивизион 45-мм орудий. Отец имел звание старшего лейтенанта и был начфином дивизиона. Летом 1940 г. я с мамой поехал к отцу на свидание. Ему в Мациове выделили комнату. Мать побыла неделю-две, а меня отец оставил при себе. Он уходил на службу, а я в это время готовил на керогазе еду. На центральной площади Мациова по радио передавали последние известия. Люди слушали новости и обсуждали их: «Вот, какая Германия, какие дивизии! Подходит всё ближе и ближе к нашим границам ... Что-то непонятное ... Гитлер всех евреев уничтожил ... Евреи

удирали оттуда по-страшному» ... Один из стоявших на площади евреев по имени Хаим высказал своё мнение: «Да, дорогóй, если мы отсюда не драпанём, нам будет конец».

В мае 1941 г. отец получил отпуск и приехал в Новоград-Волынский. 22 июня примерно в 6 часов утра он стал меня будить:

- Сын, ты почему спишь?
- А почему я не должен спать?
- Ты знаешь, что война началась?
- С кем?
- С Германией.

- Ну и что, - сказал я равнодушно и продолжал спать. Больше он меня не будил. Часов в 10 утра я встал и вместе с братом пошёл в кинотеатр. Выйдя после сеанса, мы увидели бомбёжку. Немецкие самолёты летели на большой высоте, по ним стреляли зенитные орудия. Самолёты сделали несколько разворотов и сбросили бомбы за мостом, в районе военного городка.

Через пару дней после начала войны я видел, как один красноармеец, держа винтовку наизготовку, вёл в районе горсада какого-то мужчину, который нёс в правой руке канистру (до этого я канистры никогда не видел). Шли они откуда-то со стороны ж-д вокзала. Увидев меня, красноармеец окликнул:

- Эй, пацан, ты знаешь, где находится НКВД?
- Знаю.
- Проведи нас. Это диверсант.

Я провёл их до здания НКВД, которое находилось по левой стороне ул. И.Франка (после войны там было горотделение милиции), и затем пошёл своей дорогой.

Бывшее здание НКВД по ул. И.Франка

Узнав из сводок информбюро, что бои идут на Владимир-Волынском направлении, отец, понял, что возвращаться на место службы не имеет смысла. В Новоград-Волынском военкомате ему посоветовали обратиться за указаниями в Житомирский облвоенкомат. В Житомир отец поехал велосипедом. Там его призвали в армию, а велосипед он оставил в Житомире у сестры Марии.

В это время многие люди грузили свои вещи на что только могли и по трассе Львов-Киев удирали на восток. Решили и мы уезжать. Инициатором отъезда был брат отца Алексей, который достал где-то лошадь с повозкой. Мы погрузили на неё все нужные вещи и поехали в сторону Житомира. Нас было четверо: я, брат Анатолий, мама и Алексей, который правил лошадью. По шоссе двигались большие колонны беженцев, советские войска. Военные требовали, чтобы беженцы свернули в сторону, и нам пришлось съехать с шоссе и двигаться через Соколов. По дороге мы встретили какое-то советское подразделение. Командиры старались как можно быстрее постричь голову, чтобы выглядеть, как солдаты. Кто имел партбилет, старался закопать его. Офицеры закапывали пистолеты, выбрасывали их в туалет или в озеро, так как пистолеты имели, как правило,

командиры и политработники, и в плену им грозил расстрел[3]. Изголодавшиеся военные глушили рыбу гранатами и тут же её жарили. Мы успели доехать до села Янушевка (ныне - Теньковка) Червоноармейского района, и здесь нас догнали немецкие войска.

Это было в июле, рано утром. Мы дрожали от страху, прыгали в какой-то погреб, а потом вылазили оттуда. Поля были усеяны рожью. Среди ржи я увидел чёрные точки, двигавшиеся ломаной длинной цепью. Когда точки стали увеличиваться, я разглядел, что это немецкие солдаты. Они были вооружены автоматами, без головного убора, пилотки заткнуты за пояс, рукава закатаны по локоть. На боку у них висел противогаз в виде цилиндра длиной около 30 см. У офицеров были пистолеты, которые висели на ремне спереди, под правой или левой рукой. Мимо меня повели несколько пленных советских солдат. В них никто не стрелял.

Всех нас собрали на какой-то площади в селе. Пришёл немецкий офицер. Он очень плохо говорил по-русски, немного говорил по-польски. Вместе с ним был переводчик. Он переводил с немецкого на украинский. Нам всем велели в этот же день возвращаться на места прежнего проживания.

Мы ехали через Соколов. В это время я увидел первый, а может быть и последний советский самолёт, фанерно-матерчатого типа, который пытался бомбить Соколов. Кто-то из немцев крикнул: «Ахтунг!», и все моментально сошли с дороги и залегли. Он сбросил примерно 20 бомб. Все бомбы упали в поле. По самолёту стреляли, но зениток здесь не было. Вдалеке я услышал стрельбу зенитных батарей, а самолёта больше не видел. Затем мы выехали на главную трассу. Эта трасса оказалась полностью забитой транспортом. В сторону Житомира в четыре ряда шли немецкие войска – танки, повозки, бронетранспортёры, велосипеды. Оглядываясь назад, я удивляюсь, как они все помещались на полосе шириной 10 м. В обратном направлении они освободили узкую полосу для беженцев. Никто не посмел этой полоски занимать. Я обратил

внимание на этот железный порядок. Никто без разрешения не имел права передвигаться в другой ряд. Все двигались с небольшой скоростью (15-20 км/час, а может быть, и меньше). На каждом углу стоял регулировщик с бляхой в виде полумесяца, на которой было написано: «Feldgendarmerie» [полевая жандармерия]. Ни одно транспортное средство не имело права без его разрешения двигаться. Я не видел, чтобы кто-то кого-то обгонял или с кем-то ругался. По узкой полоске мы ехали до самого Новограда.

Недалеко от моста через р. Случь, у Т-образного перекрёстка, где шоссе пересекается с дорогой, ведущей к Дому Красной Армии, стояли два немца в униформе. Они выборочно подходили к повозкам, говорили по-русски, но с сильным акцентом. Один из них больше обратил внимание не на нас, а на женщину с типичными еврейскими чертами лица, ехавшую на другой повозке. Потом направились к нам. Мама показалась им похожей на еврейку. Спрашивали, откуда мы, и велели сразу по прибытию в Новоград идти в гетто.

Вид домов на ул. Кузнечной (снято во время оккупации)

Поселились мы в доме на Кузнечной улице (ныне – ул. Щорса), где находилось гетто. В другой комнате жили две взрослые женщины и девочка Бася примерно моего возраста. Охрана была условной, иногда появлялись шуцманы с винтовками. Сзади, на правой лопатке носили жёлтые круги. В гетто мы пробыли недолго. Нам удалось оттуда убежать.

Пошли к бабушке, которая жила на ул. 8 Марта. Дядя Алёша сообщил нам, что дом по ул. Войкова, в котором мы жили до войны, сгорел. Недалеко от ул. 8 Марта находились несколько ДОТов. Немецкая авиация пыталась бомбить их, но попала по жилым кварталам. На ул. 8 Марта остались две воронки от 1-тонной бомбы. Эти воронки через год-полтора засыпали. Дом бабушки сильно покорёжило, но, к счастью, он не был разрушен. Нас было шестеро: бабушка, её младшая дочь Анна, младший сын Алексей (Лёня), мама, я и мой младший брат. Бабушка была уже в годах и не работала. Дом состоял из комнаты и кухни. Алексей, Анна и нас трое спали в комнате, а бабушка – на кухне. Через какое-то время из Житомира приехала старшая дочь бабушки, Мария, 1911 г.р., которая жила с нами примерно полгода. В моей метрике было написано: «мать – Янович Єлизавета Вольфівна», без указания национальности. «Вольфівна» аккуратно исправили на «Володимирівна».

Павел Янович в пер. 8 Марта, 10 июня 2014 г. Прежде на этом месте стоял дом бабушки.

Через некоторое время после нашего возвращения на ул. 8 Марта полиция устроила облаву. Мать спряталась в подвале, а меня увели в лагерь напротив ж-д вокзала. Лагерь был огорожен колючей проволокой. Заключённые жили в «кошаре». На руке химическим карандашом или ручкой написали номер. В декабре 1941 г. меня оттуда выпустили.

У меня были друзья-сверстники: Антон Невенгловский, поляк, очень бедный; Борис Захаров, украинец, хоть и с русской фамилией; Борис Лавренчук. Жили они недалеко от нас. Я часто ходил к ним ночевать. Моя мама тоже часто уходила ночевать в чужой дом. Это было в первое время, когда было неспокойно. За время оккупации она ни разу не выходила в город.

Мы страшно голодали. Ели низкокалорийную пищу, без всяких жиров. В основном, варили картошку. Буквально через полчаса после картошки снова хотелось кушать. Однажды Борис Лавренчук предложил мне пойти с ним к его бабушке в Орепы. Там меня накормили супом с зажаренным салом. После этого я месяц болел, у меня были сильные спазмы живота.

А потом я начал работать. Первым пошёл работать Борис Лавренчук, потом Борис Захаров. Затем они втянули меня. Была такая немецкая ремонтная организация «Гересбаутенштелле-913», которой руководил майор Мюллер. Он жил по ул. Чехова, в бывшей кирхе, ездил на «Опель-Адмирал» с открытым верхом. Эта организация находилась за школой №4, со стороны ул. Пушкина. Там были слесарные, столярные и авторемонтные мастерские, кузни, склады. Немцы были в униформе, но не военные. Я пару дней работал в слесарной мастерской, а потом меня направили в кузню. Там я был горновым, дул в меха ногой с помощью приспособления, напоминающего швейную машину. Кузнец кричал на меня, заставляя дуть скорее. Потом я вытирал грязь металлическими шпателями в автомастерской, а мастер шил тенты.

Как-то «Гересбаутенштелле-913» сформировала бригаду по сбору металлолома. Ею командовал довольно порядочный

немец по имени Вальтер (фамилию не знаю). Помню, зовёт он меня:

– Пауль, ком гер! [Пауль, иди сюда!] Ты такой маленький. Будешь у меня отвечать за инструмент. Будешь выдавать ключи.

И вот кто-то шепнул ему, что я еврей. Тогда Вальтер сказал предателю:

– Если кому-нибудь скажешь, прибью на месте.

Это происходило на моих глазах.

Вальтер ходил с винтовкой, а винтовку доверял мне: «На, неси!» И я, самый малый в бригаде, скособочившись на одну сторону, нёс винтовку. Вальтер идёт сзади и говорит:

«Пауль, ду бист зо кляйн!» [Пауль, ты такой маленький].

Вальтер жил напротив школы №3. Мы строились там в 6 часов утра, а он выходил с портфелем и делал переключку:

– Янович!

– Я!

– Бист ду ... [Это ты]

Последнее выражение вызывало у нас некоторые ассоциации, и мы тихонько смеялись.

– Пауль, ком гер! – зовёт он меня.

Я подхожу, и Вальтер протягивает мне маленький кусочек хлеба, помазанный как будто маслом. Я беру хлеб и становлюсь обратно в строй.

– Найн, штэй хир! [Нет, стой здесь!] – приказывает Вальтер и велит мне съесть хлеб на месте. Это было проявлением гуманизма с его стороны. Может быть, я напоминал ему его детей, не знаю.

Ехали мы на машине с краном фирмы Unik или шли пешком. Разбирали вышедшую из строя советскую технику, включая Т-34, стоявшую возле дороги в районе Новой Романовки. Металлолом грузили на машину и свозили на ж-д вокзал. За мостом, примерно в районе нынешнего Болгарстроя, до войны находилась большая авторемонтная база (ГАЗ-ММ). Во время оккупации там осталось очень много автомобилей. В 1942 г. мы с помощью зубила и молотка разбирали рамы автомобилей. Я получал примерно 1 карбованец 50 коп. в день, другие – 2 карбованца. Зарплату за неделю платили по субботам, а в воскресенье был выходной.

Однажды, когда мы грузили металлолом в вагон, произошёл интересный случай. На вокзал прибыл эшелон с разобранными самолётами и немецкими лётчиками. Лётчики такие холёные, развязные. Мы грузили металлолом с помощью маленького подъёмного крана с рампы на платформу. Среди нас работал Юрка-узбек, который тоже жил по ул. 8 Марта. Подходит к нам один немецкий лётчик. Я не помню, чего он хотел. И вот Юра-узбек затеял с ним драку. У нас были ручные зубила наподобие альпинистского ледоруба. Если трахнуть таким зубилом по голове, можно было разрубить голову до основания. Юра хватается за зубило и замахивается на немца. Вдруг подскочил кто-то сзади (не помню, наш или немец) и схватил его за руку. Тут как тут появилось гестапо, забирают Юру и немецкого лётчика. Тогда гестапо располагалось за мостом [4]. Примерно через два часа возвращается Юра в весёлом настроении. Немецкий лётчик пришёл позже и молча сел в эшелон.

- Что ж тебя там спрашивали? Тебя били?
- Нет. Спросили, кто задибался. Я сказал, что он. Так они ему там вычитывали по-немецки, а меня не трогали.

Для меня это было страшно удивительно в те годы, но это факт.

С нами в бригаде работал один человек. Забыл, как его звали. У него была русская фамилия типа Рыбаков. Он всегда приносил хлеб, обильно намазанный повидлом, и всё спрашивал: «Ну, как мои харчи?» Этим он, конечно, раздражал всех. Приходим мы однажды на работу, а его нет. Спросили, в чём дело. Нам сказали, что он советский агент. Куда он делся, мы не знали.

На ул. 8 Марта жил жестянщик Каминский, который хорошо знал мою тётю Аню. Однажды тётя привела меня к нему и упросила взять к себе помощником. Мастерская находилась во дворе Soldatenheim [солдатский очаг] по ул. Международной (К.Маркса). Каминский накрывал «конёк» на крыше Soldatenheim, и я лазил с ним крышу. За это меня там кормили. По рассказам, примерно в 1942 г. в Soldatenheim зашёл разведчик Михаил Калашник (прибыл откуда-то из Винничины). Поев, он подложил под стол

взрывчатку. От взрыва повывлетали окна. На столе осталась записка: «Здесь был Калашник».

Soldatenheim по ул. Международной, 1941-42 гг.

В 1942 г. военнопленные разбирали еврейский дом напротив аптеки по ул. Международной. Я подслушал их разговор:

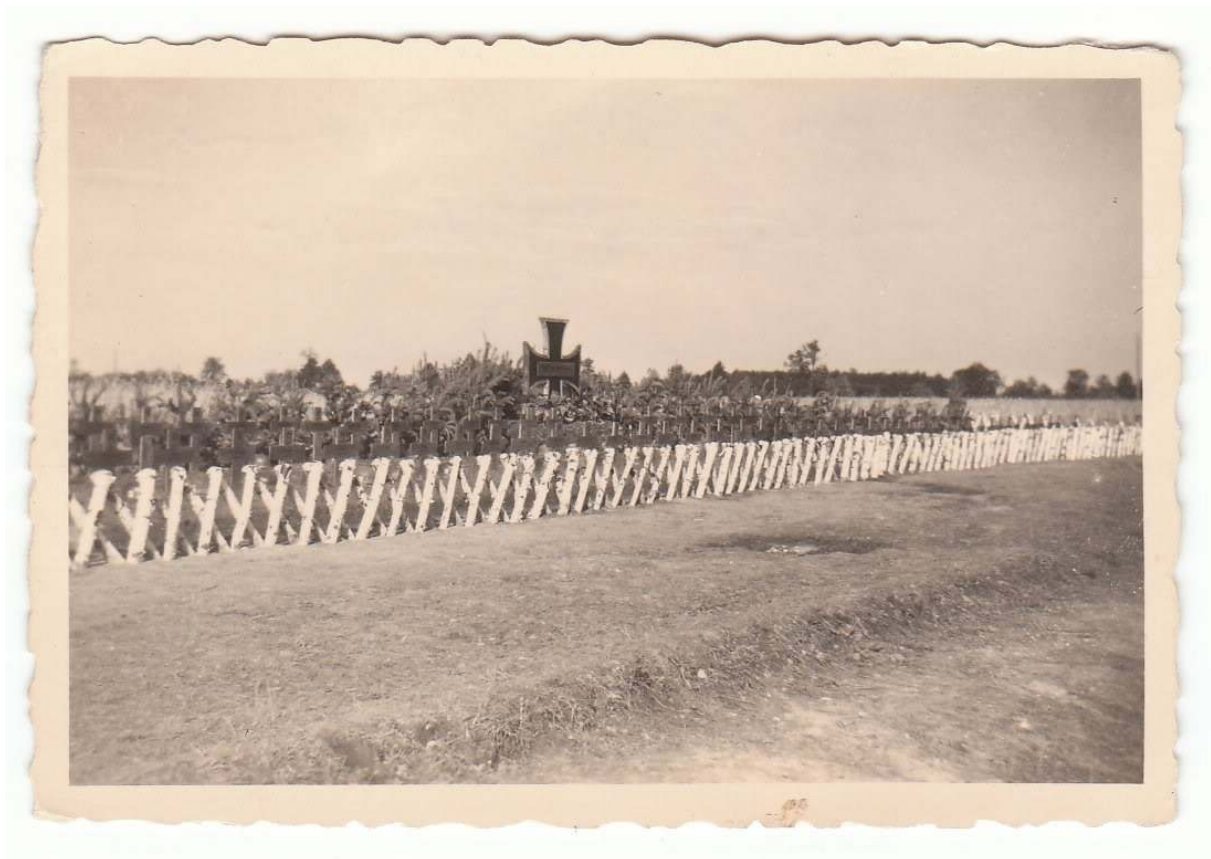
– Ну, что, взяли уже Москву?

– Ещё нет.

– Хоть бы взяли быстрее. Нам стало бы легче.

Во время сношения одного из домов был найден свиток Торы.

В районе стадиона в 1941 г. находился базар. В 1942 г. туда привезли в дубовых гробах трупы немцев и устроили кладбище. Выступал немецкий капеллан. Всего было 950-960 крестов. На каждом висела табличка с указанием имени и звания. Примерно через месяц после освобождения их порубали на дрова. Кладбище примерно совпадало с нынешним футбольным полем. Оно не было ограждено. Вход был и со стороны ул. Куйбышева (Мамайчука), и со стороны ул. Кирова (Житомирская), а посередине – проход.

Венгры охраняли ж-д мосты через Случь и Смолку, имели жёлтую форму. Примерно полгода стояли словаки, после чего их вывели. Один сезон в городе находились голландцы.

Торговые заведения периода оккупации:

1) на углу ул. Ленина и Международной – книжный магазин, там я видел книгу «Mein Kampf»;

Дом на углу улиц Ленина и К.Маркса (Международной) в середине 1960-х гг.

- 2) на углу ул. Ленина и Пушкина – продмаг, для немцев, торговали фольксдойче;
- 3) на углу ул. Международной и Красноармейской – продмаг (сейчас на этом месте стоит 2-этажный дом с магазином);
- 4) по ул. Красноармейской, с правой стороны, если свернуть с ул. Кирова – ларёк, давали хлеб по карточкам, 300 г на каждый талон за плату (я получал 1,5 кг на всю семью);
- 5) напротив скверика по ул. Международной – столовая.

На каждой улице был уполномоченный. Он сообщал в полицию о появлении новых лиц. На ул. 8 Марта уполномоченным был Вайдман Юзик, фольксдойче, отлично владевший русским и украинским. Он знал, что мама живёт у бабушки и прячется в подвале. Заходил к нам и спрашивал: «Так, що у тебе там є? Дай мені це!» И мать отдавала ему вещи, сохранившиеся у нас с довоенного времени. Через неделю-две Юзик приходит снова и говорит маме: «Одягайся, жидівка, пішли!». Он её уводил, а мы в это время тряслись. В полиции бы с ней не церемонились. Юзик уводил маму несколько раз. Один раз довёл почти до самой полиции. А потом что-то в нём срабатывало, и он её

отпускал. Это было в 1942 и 1943 годах. Юзик приводил к нам немецких военнослужащих, живших на постое недалеко от нас, требовал выпивки и закуски. Бабушка находила где-то самогонку и нехитрую закуску, накрывала на стол.

Недалеко от нас жил еврей Хуна, который до войны собирал тряпки для вторсырья. Немцы его расстреляли, а сын Дувид сумел бежать и прятался где-то в окрестностях города. Дувиду было лет 18-19, он был хорошо физически развит. Примерно осенью 1943 г. Юзик донёс о нём в полицию. Ловили его два дня и в конце концов поймали. Привели в полицию и забили до смерти поленьями дров. В качестве премии Вайдман получил 10 тысяч карбованцев и костюм. После освобождения города Юзик исчез, а примерно через месяц вернулась его семья. Жена говорила, что он погиб от взрыва бомбы.

Папина сестра Анна знала до войны местных немцев, работавших ассенизаторами. Звали их Фриц и Моге. У них были повозки с бочками, в которых они вывозили нечистоты. Один из них во время оккупации стал начальником полиции, другой – его заместителем [5]. Они помогли Анне устроиться на работу в столовой, и она приносила нам иногда, спрятав за пазухой, кусок хлеба или мяса. Мы спаслись от голода, скорее всего, благодаря Анне. Однажды Фриц зашёл к нам и увидел маму. «О, Лиза!» – воскликнул он. Видимо, они знали друг друга до войны. Но Фриц её не выдал.

Папиного младшего брата Алексея как-то направили на принудительные работы в немецкий обоз в качестве ездового, а он оттуда удрал. Немцы его арестовали. Сначала он находился в каком-то лагере за пределами города, а затем – в городской тюрьме. Там он просидел полгода. Алексей рассказывал такой случай. В то время Моге был не начальником полиции, а начальником тюрьмы. Там он завёл интимные отношения с красивой еврейской девушкой Ханой Гуральник (примерно 1920-22 г.р.), которая до войны жила по соседству с нами. Когда Хана забеременела, Моге решил от неё избавиться. Сказал ей, что выпускает на свободу, и

разрешил выйти из тюрьмы. Перед тюремными воротами кто-то из охраны выстрелил в неё и убил наповал.

Здание бывшей тюрьмы в середине 1990-х гг.

В середине 1943 г. во время одной из антипартизанских акций Фриц и Моге попали в окружение. Фрица партизаны кастрировали и убили. А Моге прикинулся мёртвым, выжил, потом лежал в немецком госпитале.

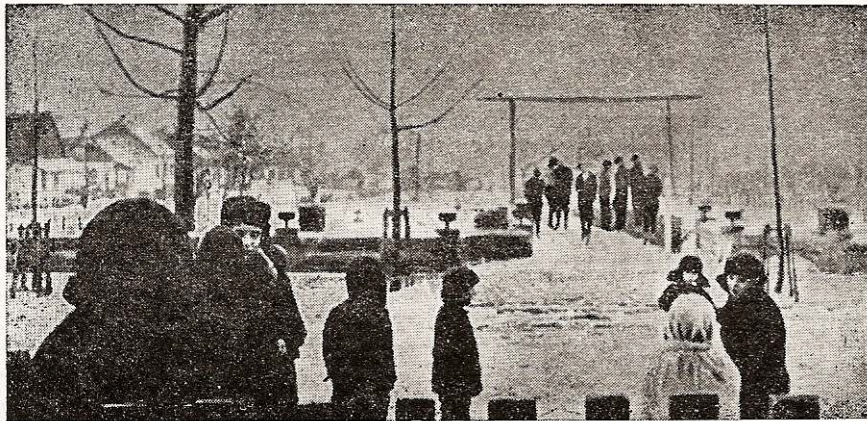
Расстрелы евреев я не видел, но слышал по рассказам других. Во дворе 4-й школы со стороны ул. Чехова собрали молодых мужчин, раскидали консервные банки и дали команду немедленно собирать. Они собирали банки в подол, а в это время пулемётчик вёл по ним прицельный огонь. Хоронила их группа из 5-10 евреев, которым дали задание собирать трупы. Они бегали по саду и бросали погибших в яму. Их тоже ликвидировали. Причём расстреливали не эсэсовцы, а обычные военнослужащие вермахта. Там, где сейчас стоит памятник, могилы нет. Расстрел происходил не на том месте, а дальше к востоку, где сейчас находится игровая площадка детсада. А вообще расстрелы в Новограде проводила не СС, а СД. У них была жёлтая форма с черепом в петлицах.

Павел Янович во дворе дома №4 по ул. Чехова, 10 июня 2014 г.

Помню виселицу в скверике (2-3 ступеньки вниз) зимой 1942-43 гг.: среди повешенных был аптекарь Орлов, который помогал партизанам.

Фото виселицы из мемориальной книги «Звил»

Украинская полиция находилась в одноэтажном доме слева на Международной ул., предпоследнем перед поворотом к каланче. Вход был с правой стороны. В 1942 г. кто-то подорвал тол под скалой на реке Смолке. Полиция хватала всех подозреваемых. Меня тоже завели туда, били.

Дом по ул. К.Маркса (Международной) №11 в 1970-х гг.

Гестапо:

- сначала по ул. Кирова, через дорогу от стадиона (сейчас этого дома нет), на входе был изображен осьминог и надпись «Geheimpolizei»;

- потом на втором этаже довоенного кинотеатра (впоследствии – Дом пионеров);

- примерно в 1942 г. перебралось за мост (висело объявление).

В Доме Красной Армии, с правой стороны находился Arbeitsamt [биржа труда]. Мне пришла повестка явиться туда для найма на работу в Германию. Год моего рождения на повестке был указан неверно: 1927-й. Я предъявил своё свидетельство о рождении. Родившиеся в 1929 г. не подлежали найму, и меня освободили.

Над входом в горсад со стороны ул. Ленина висела вывеска «Kriegsgefangenenlager [лагерь для военнопленных] №962 (?)». По слухам, там было ок. 10 тысяч человек. Умирали 150-200 человек в день. Могилы находились в районе водонапорной башни (её построили одновременно со школой №2).

Помню, как возле школы №3 стояли 10-тонные немецкие тягачи с тремя прицепами по 10 тонн каждый. На каждом тягаче висело под кузовом по 10 канистр с бензином, а каждый прицеп был накрыт тентом. Ничего подобного я раньше не видел. На скатах было написано: «Dunlop».

Как-то я заболел дизентерией и лечился в корпусе больницы, выходившем на ул. Прорезную (ныне – ул. Гагарина; после войны там была поликлиника). Рядом стоял другой корпус, выходивший одной стороной на ул. Больничную (ныне – инфекционное отделение). Там находились немцы. Я слышал, как они пели песню.

Инфекционное отделение больницы

Через дорогу от него, со стороны ул. Больничной, стояло одноэтажное здание терапевтического отделения и недостроенное двухэтажное здание. К последнему приходили местные жители и разбирали рамы.

В старом Доме культуры работал украинский народный театр. Муся Борцова, моя соседка, играла в спектакле «За двома зайцями».

3-этажный Дом культуры на противоположной стороне ул.Ленина в 1960-х гг.

Мы смотрели немецкие кинофильмы в старом кинотеатре по ул. Ленина. Примерно в начале 1942 г. демонстрировали документальный фильм студии UFA, в котором немецкий офицер смотрел через бинокль на звёзды Кремля. 7 ноября 1943 г. перед киносеансом выступил немец в униформе: «Ну, вот, мы выровняли линию фронта по Днепру. Будем с большевиками воевать».

В октябре 1943 г. с фронта стали двигаться немецкие войска: обозами, машинами, танками. Шоссе было забито техникой. Когда нужно было переночевать, сворачивали в сторону. У нас тоже ночевали. Немцы везли свою еду, знали, что у народа ничего нет. Когда останавливалась полевая кухня, я подходил и просил на ломанном немецком что-то покушать, и мне давали. На католическое Рождество у немцев были искусственные ёлочки, какие-то картинки.

Примерно 1 января 1944 г. мы увидели советские танки. Причём двигались они не со стороны Житомира, а со стороны Ровно. Танки остановились в предместье, на наших улицах. А немцы окопались траншеях в районе МТС (после войны – авторемзавод). Если кто-то из них выскакивал, чтобы перебежать, по нему били из танков прямой наводкой. Помню, как снаряд попал в одного, и его

разорвало на клочки. На меня это так подействовало, что я долго не мог ни кушать, ни уснуть.

На второй день я пошёл в сторону кладбища. Вижу, со стороны ул. Чехова идёт группа немцев, человек 30, безоружные, наверное, для сдачи в плен. В это время к ним навстречу, со стороны ул. Горького, подбегают два наших солдата с автоматами ППШ (один из них младший сержант, по-видимому, узбек). «Мы – французы», – сказал кто-то на ломанном русском языке. А рядом находилась большая воронка от бомбы. «Какие французы?!» – ответил младший сержант, вскинул автомат и тут же всех расстрелял.

Янович показывает Павел место расстрела возле входа на кладбище, 10 июня 2014 г.

В марте-апреле 1944 г. немцы сильно бомбили город. Весь центр, вокзал, предместья авиация чуть ли не мешала с землёй. Это было поздно вечером. Люди удирали толпами. Многие были на представлении в старом Доме культуры на ул. Ленина и, когда вышли оттуда, на проезжую часть улицы упали бомбы. На второй день я видел в разных частях

города развороченные трупы мирных жителей, солдат, двух женщин в форме.

В 1944 г. я работал санитаром в эвакогоспитале №4554, находившемся в доме на углу ул. Советской и К.Либкнехта (позже там были детясли). Начальником клуба в госпитале был Леонид Михайлович Зыков.

В середине 1944 г. вернулась из эвакуации мамина сестра Зина с дочкой. Им предоставили жильё – комнату по ул. Международной (ныне – Воли №4).

Дом по ул.Воли №4 в 1990-х гг.

Тётя Зина забрала нас к себе. Потом вернулся мамин брат Семён с семьёй. Примерно в августе того же года пришёл с войны отец. У него было множество ранений, последнее – с раздроблением голенно-стопного сустава. Ему хотели ампутировать ногу, но он не дал. Кости как-то срослись, и он мог ходить. Его лечили в разных госпиталях. В Пятигорский госпиталь заходила Эвелина Рузвельт, приносила какие-то подарки, о чём отец тепло вспоминал. Кроме того, он страдал малярией. Его бросало то в жар, то в холод. Отец часто просил меня принести ему холодной воды. Потом ему назначили хинин, и постепенно болезнь отступила. В 1945 г. он пошёл работать в военкомат, потом ещё куда-то.

Комната, в которой мы жили, была размером примерно 25 кв.м. В ней проживало 11 человек: нас четверо, тётя Зина, её дочка и муж, дядя Семён с женой и двумя детьми. Когда я много лет спустя зашёл в эту комнату, то не мог понять, где мы все – 5 детей и 6 взрослых – там спали.

Зинаида Владимировна Яровенко (Зелда Вольфовна Вайсберг), лето 2006 г.

После войны я старался стереть из памяти эти воспоминания. Долгие годы скрывал, что был на оккупированной территории. При каждом трудоустройстве давали анкету, в которой была графа: был ли на оккупированной территории? где? когда? что делал? Я старался в этой графе писать как можно короче, чтобы меня не допрашивали.

В 1946-47 гг. я работал старшим пионервожатым школы №1, до 1947 г. закончил 9 классов вечерней школы (тогда она располагалась в здании сш №3).

*Пионерский костёр на День Победы возле школы №1, 1947 г.
Справа – Павел Янович*

У отца был товарищ Евгений Чудаков, который после войны переехал во Владимир-Волынский.

Иван Янович (слева) и Евгений Чудаков, ок. 1940 г.

Отец с ним связался. Во Владимире-Волынском не было такого голода, как в Новограде, прожить было легче, и отец сказал нам: «Я еду к Жене, во Владимир-Волынский. Там он мне найдёт какую-то работу». В то время Владимир-Волынский был запретной зоной. Когда отец туда приехал, пограничники хотели посадить его в тюрьму. Но он показал им свой партбилет, и его отпустили. Товарищ помог отцу найти работу, и в 1947 г. я с мамой и братом переехали во Владимир-Волынский.

Там в 1948 г. я окончил 10-й класс вечерней школы и поступил в Луцкий учительский институт. После окончания института в 1950 г. меня призвали в армию. Служил я на Дальнем Востоке. Там мне пришлось преподавать в вечерней школе для офицеров. Затем меня направили в пехотное училище офицеров запаса. Я его закончил в 1952 г. и получил звание лейтенанта, а в 1953 г. уволился в запас. В 1957 г. закончил физико-математический факультет Луцкого пединститута. 12 лет работал учителем физики в сш №2 и директором станции юных техников во Владимире-Волынском. После окончания в 1966 г. Львовского

мединститута работал стоматологом в Березновском районе, а с 1969 г. до 2000 г. – в Ровенской областной больнице.

Отец часто болел, рассчитывался с работы, потом снова работал. Умер он в 1953 г. Мать умерла в 1975 г. во Владимире-Волынском. Брат после окончания Львовского мединститута работал стоматологом в Донецке, умер в 2009 г. Все они похоронены в Новограде-Волынском.

Подготовили Леонид Коган и Андрей Верхованцев

Использованы видеointервью в Ровно 19 сентября 1997 г., интервью в Новограде-Волынском 10 июня 2014 г., разговоры по телефону и скайпу в июне-сентябре 2014 г., фотографии из семейного альбома П.И.Яновича.

Примечания

- 1. Точнее УНР-99. Для строительства каждого укрепрайона создавалось свое управление начальника работ (УНР). В своем составе оно, как правило, имело 6-12 военно-строительных участков (ВСУ).*
- 2. Ошибочное мнение. Весной (март) 1940г. К.К.Рокоссовский был освобожден из тюрьмы, восстановлен в звании и назначен командующим 9-м механизированным корпусом в Новограде-Волынском Киевского особого военного округа.*

Это мог быть командир 45-й стрелковой дивизии комбриг Зусманович Григорий Моисеевич, одновременно он был и комендантом Новоград-Волынского укрепленного района. Или же командир 14-й кавалерийской дивизии (формирования 1930 года) - комбриг Андрей Иванович Еременко.
- 3. Сомнительно, что бы мальчик успел разглядеть и стрижку, и закапывание партбилетов. Скорее всего, ходили слухи, что это так.*
- 4. Есть две версии конкретного расположения гестапо за мостом. Первая - это штаб дивизии (дом Мезенцева) и вторая - это*

«Зеленые». Странно то , что до сих пор точно не установлено его точное местоположение.

- 5. Есть и другие свидетельства , что начальник полиции носил фамилию Моге. Странно другое , немцы назначили нач. полиции г...воза. Не стали бы они этого делать без веских причин. Скорее всего Моге и его дружок еще до войны сотрудничали с немецкой разведкой. Очень удобная должность , можно проникнуть повсюду. В туалет ведь ходят и гражданские и военные.*

www.zviahel.ucoz.ru